

Фантастическіе рассказы

1911

1912

1913

1914

БИБЛИОТЕКА

КРЕЙСЕРА

В. ЖЕЛИХОВСКАЯ "РАССКАЗЫ"

ФАНТАСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА

С. С. СОЛОМКО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. О. ОУВОРИНА
1896

Slaw 4360.24.3P1
✓

F O K ' D

Рисунки доведены цензурою. Спб., 18 декабря 1895 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 18.

СВЯТОЛЪССКІЕ ПѢВЦЫ

СТАРИННОЕ ПРЕДАНИЕ.

СВЯТОЛѢССКІЕ ПѢВЦЫ

Старинное преданіе.

Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ привелось мнѣ проводить лѣто въ деревнѣ, на югѣ Россіи, въ очень живописной мѣстности. Въ окрестностяхъ намъ показывали много древнихъ кургановъ; возлѣ озера, въ красивомъ дубовомъ лѣсу уцѣлѣли еще многія развалины, по преданію, цѣлаго города, по имени котораго будто бы и вся эта мѣстность называлась Святолѣскою. Неподалеку отъ озера, среди богатаго черноземнаго поля, цѣлая груда камней указывала мѣсто церкви, носившей странное пазваніе «выпѣтой». Собственно церкви не было и слѣда, всего нѣсколько кучекъ булыжника проросшихъ травой; но мѣстные жители утверждали, что здѣсь именно, до татарскаго погрома, стоялъ древній храмъ, называвшійся такъ, и въ доказательство пережившаго вѣка уваженія къ этому мѣсту, на немъ крестьяне отъ времени до времени возобновляли простой, не-

*

отесанный, бревенчатый крестъ. Зимой это мѣсто представляло снѣжный курганъ, а лѣтомъ довольно цвѣтущій бугорокъ, съ покосившимся крестомъ на верхушкѣ.

Я долго не могла добиться почему это мѣсто называлось «выпѣтымъ». Кто его выпѣвалъ? Никто не зналъ и сказать мнѣ не могъ, пока не познакомилась я съ одною старою-престарою старушкой помѣщицей, которая заявила мнѣ, что знаетъ хорошо преданіе о Святолѣсской Выпѣтой церкви; что у нея хранится даже о немъ разсказъ — семейная рукопись чуть ли не прадѣда ея.

Эту рукопись она показала мнѣ, а я, переписывая ее, постаралась только немного поновить ея слогъ, придерживаясь по возможности близко подлинному разсказу.

I.

Было то давно, не при отцахъ, не при дѣдахъ нашихъ, даже не при пра-прадѣдахъ, а и того гораздо пораньше. Было это въ тѣ времена, когда славные богатыри по святой Руси похаживали; похаживая, дубинками, кистенями помахивали; помахивая, съ басурмановъ головы сымали, изъ-подъ семи замковъ у крылатыхъ змѣевъ клады выкрадывали, у злыхъ кощеевъ изъ теремовъ красныхъ дѣвицъ выручали.

Въ тѣ ли темные, дальніе дни, свѣтъ вѣры Христовой рѣдкими огоньками по лицу земли Русской теплился. Боль-

шая часть людей Перуну грозному кланялася, Дидь-Ладо не въ однихъ игрищахъ да пѣсняхъ славилъ,—а что ужъ Чернобога до того страшила, что слугамъ его—кудесникамъ—работа не переводилась: чрезъ нихъ и мольбы возсылались, и жертвы идоламъ приносились.

Чѣмъ дальше отъ первокрещеннаго Кіева, тѣмъ рѣже сіяли кресты на храмахъ Господнихъ, тѣмъ чаще вздымались жертвенники въ честь языческихъ боговъ. Отъ града ко граду не видать было церквей христіанскихъ, да и въ самихъ-то градахъ не велика была истинная паства Господня... Искреннихъ, убѣжденныхъ христіанъ не очень много еще было.

Однако городокъ Святотѣсскъ, даромъ что лежалъ въ сторонѣ отъ проѣзжаго пути къ стольному граду Кіеву, промежъ черныхъ, дремучихъ лѣсовъ, за холмами высокими, за песками сыпучими, но величался своимъ кремлемъ, съ многоглавымъ соборомъ. И то сказать: могъ онъ точно величаться! Красой его Богъ не обидѣлъ. Каждый путникъ,—будь онъ злой нехристь-татаринъ, аль крещеный человѣкъ, все одно,—какъ выходилъ изъ-за темнаго лѣса, да сразу метался въ очи ему, на зеленой на горѣ, по-надъ озеромъ свѣтлымъ, городокъ съ пригородьями, валы крѣпостные съ частоколомъ высокимъ, а за частоколомъ соборъ пятиглавый, озолоченный, воеводскій домъ, съ расписными теремами боярскими, со столбами витыми, крылечками, да рѣзьбой узорною; да какъ бывало солнышко-то еще ударить въ красу его, да вся она какъ есть цѣликомъ опро-

кинется въ ясное зеркало водъ лазоревыхъ,—каждый по-неволѣ остановится и подумаетъ: «Экая краса благодатная!... Ай да городъ Святотѣсскъ,—залюбуешься!»...

II.

Невдалекѣ отъ городка, на лѣсной опушкѣ, былъ погостъ съ малою часовенькой. Церкви при кладбищѣ не было: куда еще! Будетъ что въ кремлѣ бревенчатый пятиглавый храмъ всѣмъ на диво вздымался... О новой церкви Святотѣсцы еще не думали. Покойники побогаче да поважнѣй въ городу отпѣвались, бѣдныя—въ часовенькѣ при погостѣ. А бѣлая часть жителей въ обрядахъ христіанскихъ и вовсе нужды не видала; кто просто умершихъ землѣ предавалъ, кто втихомолку курганы надъ ними вскапывалъ, тризны языческія попрежнему правилъ.

Часовенька при кладбищѣ была заложена временная купчиной богатымъ. Собирался онъ на мѣсто нея и всю церковь выстроить, потому что ужъ крѣпко напуганъ былъ: сталъ купчина помирать, а помереть ему крѣпко не хотѣлось. Вотъ и пообщался онъ, если выздоровѣетъ, во имя Успенія Божіей Матери храмъ на погостѣ построить. Захворалъ онъ какъ разъ объ этомъ праздникѣ, а на самое на Успеніе съ него какъ рукой хворость сняло... Дѣлать, стало, нечего: приходилоя мошною тряхнуть. Заложилъ онъ будущую церковь, возлѣ выстроилъ часовеньку, и весь бы храмъ, статья могло, достроилъ, да только при-

плось ему по дѣламъ изъ городу выѣхать,—уѣхалъ онъ и былъ таковъ! Не стало о немъ слуху, не осталось и духу.

Такъ и пришлось святолѣвскимъ покойникамъ одною, во имя Успенія, часовенькой пробавляться.

Никто о томъ не тужилъ, кромѣ развѣ одного попа Кипріана, духовника пропавшаго купца. Былъ онъ человѣкъ совѣстливый и пастырь добрый; мучило его сознаніе, что воспріять онъ обѣтъ духовнаго своего чада, самъ и мѣсто для храма святилъ и первый камень его заложилъ—и все то дѣло вышло облыжное!.. Ему казалось, что самъ онъ отчасти отвѣтственъ и виновенъ въ обманѣ, — хоть не намѣренно, а допустилъ ложный Богу обѣтъ... И сокрушался пощъ Кипріанъ.

Тѣмъ горше сокрушался, что не видалъ себѣ ни въ комъ соучастія, и ясно было ему, что сколь много онъ ни старайся, какъ усердно ни обращайся къ благостынѣ христіанской, — но вѣкъ не собрать ему казны нужной для построенія заложеннаго храма.

Отецъ Кипріанъ былъ родомъ не русскій. Малымъ ребенкомъ прибылъ онъ изъ православной Греціи съ отцомъ своимъ, іереемъ. Отца его самъ князь Владиміръ Красное Солнышко съ другими пастырями выписалъ изъ Константинограда. Съ годами обрусѣла семья; Кипріанъ женился на дочери природнаго кіевлянина, на красавицѣ Миловидѣ, во святомъ крещеніи названной Любовью, и самъ пріять священство.

Вѣрно было дано женѣ Кипріановой христіанское имя:

ни въ комъ христіанское милосердіе и чистая любовь не могли горячѣе горѣть, какъ въ сердцѣ этой красавицы, обращенной благочестивымъ супругомъ въ ревностную христіанку.

Богъ благословилъ бракъ ихъ тремя дѣтьми: дочерьми Вѣрой и Надеждой и сыномъ Василько. Не могли пощъ попадѣей наглядѣться на дѣтокъ своихъ, души въ нихъ не чаяли! И то сказать, всѣ они трое красавцы были писанные, и душой столь же хороши какъ и обликомъ.

Надежда съ Вѣрой были близнецы и столь сходны, что отличить ихъ, кромѣ отца съ матерью, никто не могъ. Даже братъ, млаже ихъ на два года, часто ихъ смѣшивалъ и смѣючись говаривалъ: «Не все-ль мнѣ едино, кто изъ васъ Вѣра, кто Надежда?.. Гдѣ одна, тамъ и другая! Дѣлить васъ нельзя и люблю я васъ равно... Для меня вы обѣ и матушка—третья—нераздѣльны. Всѣ вы трое—въ единой Любви и Любовь единая!»

И точно! Горячо другъ друга любили дѣти отца Кипріана. Братъ и сестры не разлучались и всегда ходили обнявшись, привлекая взоры и улыбки встрѣчныхъ своею миловидностью.

III.

У всѣхъ троихъ были чудесные голоса. Отецъ и мать ихъ научили многимъ священнымъ напѣвамъ; кромѣ того, пощъ Кипріанъ выучилъ своего десятилѣтняго мальчика играть на гусляхъ. И такъ они втроемъ сладко играли и

пѣли, что въ праздничные дни, особенно долгими лѣтними вечерами, народъ толпами сталъ собираться подъ окно поповской избы, чтобы послушать пѣснь объ Іовѣ многострадальномъ, о чудномъ спасеніи трехъ отроковъ въ пещи огненной, или другое подобное сказаніе, которыя отецъ Кипріанъ умѣлъ искусно въ стихъ перекладывать.

Слушалъ ихъ народъ, заслушивался и уходилъ умиленный...

И вдругъ осѣнила благочестиваго іерея дума: «Не расточаются дары Господни напрасно. Не дана ли мнѣ, въ сладостныхъ голосахъ невинныхъ моихъ отроковъ, возможность снять съ своей и съ чужой души тяжесть невыполненнаго обѣта?.. Самъ Спаситель училъ не зарывать въ землю талантовъ... Пойду-ка я къ старцу Евѣимію, попрошу его разрѣшеніе и, коли онъ благословить, поставлю у порога моего кружицу для добровольныхъ приношеній на построеніе храма на бѣдномъ погостѣ нашемъ. Пусть народъ слушаетъ пѣніе моихъ дѣтей и въ умиленіи подаетъ, во спасеніе душъ своихъ, посильныя лепты.»

И пошелъ Кипріанъ въ Святотѣсскую пустынь, въ скитъ отшельника Евѣимія. Въ глухихъ дебряхъ лѣсныхъ основалъ святой старецъ одну изъ первыхъ иноческихъ обителей на Руси; но вскорѣ сожителство съ нѣсколькими братьями монахами, послѣдовавшими за нимъ въ пустыню, показалось ему тягостною суетой... Удалился онъ отъ заложенного имъ скита въ еще бѣдшую глушь дремучаго бора; вырылъ себѣ малую пещерку и тамъ спасался въ

денныхъ и ночныхъ молитвахъ, видясь только съ тѣми, кто имѣлъ до него неотложное дѣло. Безъ особой нужды не дерзали нарушать уединеніе святаго старца даже братья его, иноки. По очереди, разъ или два въ недѣлю, тайкомъ крадучись, они навѣщали пустынника; съ низкимъ поклономъ клали на порогѣ пещерки его просфору и удалялись, не промолвивъ ни слова.

Однако тѣхъ припелецевъ, кои къ нему обращались съ просьбой: «благослови, отче, на бесѣду, во спасеніе души!» Евѣимій осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ, выслушивалъ и давалъ наставленіе.

Радостный возвратился изъ скита отецъ Кипріанъ и тотчасъ принялся за дѣло.

Перенесъ онъ свою убогую хижину къ самому кладбищу; поселясь возлѣ самой часовни, сталъ безвозмездно совершать всѣ требы: отпѣвалъ, хоронилъ, поминалъ православныхъ, ничего для себя не требуя, лишь указывая просившимъ молитвъ его на вдѣланную въ камень у самаго входа въ часовеньку желѣзную кружицу, съ поклономъ говоря каждому:

— Не для меня жертвуете, православные,—для себя самихъ, на построеніе храма, во имя Пресвятой Матери Господа нашего Іисуса Христа,—по обѣту здѣсь заложеннаго, да не выстроеннаго.

И давали добрые люди полушки и гривны,—кому сколько въ силу-мощь было; давали тѣмъ щедрѣй и охотнѣй, что нигдѣ никто не слыхивалъ столь сладостнаго пѣнія,

какъ на служеніяхъ отца Кипріана. Двѣ дочери и отрокъ сынъ служили ему клиромъ.

Когда же наступали вешніе дни, оконца и двери отворялись въ поповой избѣ; семья выходила коротать долгій золотой сумракъ на крылечко; туда Василько выносили свои гусли и, присѣвъ съ сестрами на ступеньки, первый подавалъ имъ голосъ. Когда юные голоса ихъ разливались въ хвалѣ Богу, Создателю утренней и вечерней зари, солнца жаркаго, и кроткаго мѣсяца, и ясныхъ звѣздъ что вокругъ нихъ зажигались въ румяныхъ еще небесахъ, — тогда лужайка предъ погостомъ покрывалась народомъ. Сосѣди изъ пригородовъ и горожане изъ-подъ кремля самого стекались послушать дивное пѣніе. Многимъ казалось, что Божья благодать, миръ и любовь нисходятъ вмѣстѣ съ волнами звуковъ въ смягченныя сердца. Многимъ хотѣлось молиться: имъ чудилось что ангелы Божіи сходятъ съ ясныхъ небесъ и свои голоса примѣшиваютъ къ пѣнію отроковъ... Полушки и гривны тогда частымъ дождикомъ стучали о дно кружки церковной, и радовалось сердце отца Кипріана, слыша стукъ этотъ и внемля просьбамъ народа, говорившаго его дѣтямъ:

«Пойте, отроки Божіи! Славьте еще Отца Вседержителя, и Духа Святаго, и Христа-Спасителя, и Пресвятую Матерь Его!.. Добро намъ слушать васъ! Пойте! А ужъ мы порадуемъ на построеніе храма.

И точно радѣли не скудно!.. Чаше и чаше приходилось Кипріану соборнаго протопопа, отца-казначая, трево-